

**МЕЖДУ ФРУСТРАЦИЕЙ И МОБИЛИЗАЦИЕЙ:
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ В
УСЛОВИЯХ НАШЕГО ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Татьяна Щитцова

Европейский гуманитарный университет

ORCID: 0000-0003-0014-3856

Резюме. *Статья посвящена способности гуманитарной мысли способствовать демилитаризации нашего жизненного мира. Исходной точкой анализа является признание аффективной обусловленности всякого мышления/высказывания о войне в Украине. В этой связи возникает вопрос об эвристическом потенциале и социальной роли гуманитарной рефлексии в «наше военное время». В первой части статьи очерчиваются полярные аффективные режимы, которые в сложившемся социально-политическом контексте определяют специфику восприятия текущей войны гражданами Украины. Во второй части рассматривается возможность несовпадения эмоциональных диспозиций гуманитарной мысли с очерченным в первой части аффективным полем («между фрустрацией и мобилизацией»). Сочетая подходы «теории аффекта» и феноменологической герменевтики, автор выявляет взаимосвязь между перформативной эвристикой гуманитарного высказывания и проводимой*

им политикой аффекта. Акцентируя внимание на способности гуманитарного высказывания создавать новую ситуацию в условиях нашего военного времени (менять притупившийся режим восприятия войны, дезавуировать пропаганду, тормозить агрессивность, освободить от страха), автор характеризует его в терминах политического поппэзиса. Таковой включает способность гуманитарной мысли выступить медиумом новой политики аффекта, которая расходится и с пропагандистским модулированием настроения «широких масс», и с превалирующим эмоциональным ландшафтом милитаризованного социального поля. В статье утверждается, что война в Украине выявила проблематичность традиционного (модерного) способа связывания разумности и аффекта в рамках такого политического сообщества, как нация. Социальная роль гуманитарной рефлексии заключается в том, что последняя способна отслеживать и анализировать подобные сдвиги, сама будучи аффективно затронута ими. Автор приходит к выводу, что сегодня востребованность гуманитарной мысли связана уже не только с ее способностью к просвещению и критике идеологии. То, на что должна откликнуться сегодня гуманитарная мысль, – это потребность людей в обретении новой системы координат, позволяющей вновь воплощать связь разумности и аффекта (логоса и патоса) через разнообразные формы совместной жизни.

Ключевые слова: фрустрация, мобилизация, «новая война», пропаганда, гуманитарная мысль, эмоциональная диспозиция, политика аффекта, нация.

*Где утверждалось, что Просвещение
должно быть свободным от эмоций?*

*Мне кажется, что наоборот. Просвещение может должным образом
выполнить свою задачу только в том случае, если оно будет работать
со страстью.*

Ж. Амери

Мы – существа принадлежности и существа дистанции.

П. Рикер

В октябре 2014 Международная ассоциация гуманитариев проводила в Киеве семинар, посвященный роли ученых-гуманитариев в сложившейся кризисной ситуации в нашем регионе. Шел шестой месяц военного конфликта на Востоке Украины, и самые разные публикации того времени (как в официальных СМИ, так и в социальных медиа) свидетельствовали о том, что этот новый опыт можно охарактеризовать в терминах культурного, антропологического шока. Свое выступление на том семинаре я назвала «Невозможность теории» (Щитцова 2014), подразумевая тем самым, что радикальное изменение социально-политической ситуации в регионе придало новую актуальность вопросу о

возможности соединения мышления (гуманитарной рефлексии¹) с опытом и в том числе вопросу о способе интеллектуальной работы, которая составляла бы альтернативу пропаганде. Последние три года (с 2014 по 2017) были сопряжены для всех нас, для гражданских обществ наших стран с исключительно новым опытом — — опытом жизни в ситуации войны (безусловно, очень разным в зависимости от того, какая конкретно страна нашего «братского» треугольника имеется в виду). Здесь следует подчеркнуть, что обозначение «нашего» в названии статьи не является просто нейтральным указанием на соответствующий регион, но отсылает к мифологеме/идеологеме «славянского братства», которая была важной частью коллективного социального воображаемого для народов Беларуси, России и Украины не только в советское, но и в постсоветское время. Война неумолимым образом поставила нас перед фактом разрушения этой мифологемы: исключила возможность латентного («автоматического») воспроизведения соответствующих иллюзий. В этой связи аналитика и интерпретации войны, предлагаемые учеными из Беларуси, России и Украины, не могут быть беспредпосылочными: во-первых, потому что в их основе лежит being-affected самим фактом войны как неопровержимым свидетельством «конца мифа»; во-вторых, потому что любые толкования, касающиеся практического (этического, морально-

¹ Под гуманитарной рефлексией я понимаю интеллектуальную работу по прояснению исторических предпосылок, социокультурных оснований и философских принципов, которые определяют жизнь людей и сообществ. Такого рода интеллектуальная деятельность не ограничивается рамками академической сферы. В этом отношении я исхожу из того, что производство знания гуманитарными науками не может быть оторвано от производства смысла в различных практических контекстах *жизненного мира* (в первую очередь имеются в виду практические контексты, связанные с деятельностью различных социальных институтов).

правового, политического) смысла событий, обусловлены конкретным (культурно-историческим, социально-политическим) контекстом и местом говорящего в этом контексте. Другими словами, мы имеем здесь дело с «ангажированным» мышлением, или мышлением с позиции заинтересованности, которая всегда имеет соответствующее эмоциональное наполнение, «эмоционально-волевой тон» (Бахтин).

Внимание к эмоциональному измерению гуманитарной мысли требуется уже в силу самого эмоционального градуса текущего момента: Украина стала «горячей темой», весь регион эмоционально накалился. Мы знаем об этом из тех «политических страстей», которые ежедневно разворачиваются на самом бытовом уровне человеческого общения, создавая микроситуации «гражданской войны» в семейных и (ранее) дружеских кругах не только в Украине, но также (и с не меньшей остротой) в Беларуси и России. Медиа выступают постоянным катализатором этих «микровойн», превращая их в свою очередь в питательную среду для распространения пропаганды. Так что в дискурсивном плане война действительно приобрела региональный характер: очаги аффективно-дискурсивных конфликтов «по поводу Донбасса» снова и снова возникают и множатся в самых разных социальных и культурных средах, придавая самой нашей повседневности милитаристский рельеф. Невозможность беспредпосылочности не означает, однако, сведения гуманитарной рефлексии к простой репрезентации этого рельефа. Напротив, мы интуитивно связываем надежды на демилитаризацию нашего жизненного мира с уникальной эвристикой, которой наделяем гуманитарное мышление. С этой точки

зрения целью настоящей работы является аналитическое подкрепление такого рода надежд. По своему содержанию статья делится на две части: в первой будут очерчены полярные аффективные режимы, которые в сложившемся социально-политическом контексте определяют специфику восприятия текущей войны и жизни в военное время гражданами Украины (а также, отчасти, гражданами других стран, поддерживающими украинцев в их борьбе за политическую автономию); вторая часть будет посвящена возможности *несовпадения* эмоциональных диспозиций гуманитарной мысли с очерченным в первой части аффективным полем и конкретной эвристике этого несовпадения, позволяющей лучше понять ситуацию в Украине и регионе в целом.

1. Полярные аффективные режимы, определяющие специфику восприятия текущей войны и жизни в военное время

Я хотела бы начать с двух цитат, комментарием к которым фактически и станут последующие рассуждения. Первая – это высказывание главного редактора журнала «Новое время» Виталия Сыча, – высказывание, которое выражает видение/переживание текущей ситуации очень многими людьми (не только в Украине). Украинский журналист с сокрушением констатирует:

«Меня часто просят дать честную оценку прогрессу реформ в Украине за три года после революции. Теперь я отвечаю: если коротко, я разочарован. Я думал, что после того, как на Майдане были убиты 100 человек, после того, как тысячи людей погибли на востоке, Украина уже никогда не будет прежней и политики осознают степень

ответственности и важность момента. Но мы до сих пор наблюдаем коррупцию... и политические сделки на высшем уровне...» (Сыч, 2017).

Второе высказывание принадлежит украинскому политическому философу Михаилу Минакову. В недавнем интервью журналу *Toros* он следующим образом диагностирует положение дел в украинском обществе:

«Война со второго года фрагментирует и атомизирует, разрушает наш и без того небольшой социальный капитал. На расколотом обществе все более эффективно паразитируют финансово-политические группы, втягивая в свои патрон-клиентские сети растерянных, дезориентированных и жаждущих безопасности людей. Тут все меньше воздуха для гражданственности и все больше вакуума для подданничества. Все больше возможностей для республики кланов, все меньше места для общего дела свободных граждан» (Минаков, 2016, с. 13-14).

Итак, прежде всего следует подчеркнуть, что биполярная аффективная разметка, вынесенная в название статьи (*между фрустрацией и мобилизацией*), изначально должна рассматриваться в соотношении с «Майданом», или «Революцией достоинства». Слова взяты в кавычки, так как они используются здесь в символическом значении, а именно – как обозначения политического возвышенного, или горизонта политической трансценденции, который указывает на абсолютный телос и задает абсолютный масштаб солидарности для украинцев как политической нации. Отнесенность к этому горизонту является в

некотором роде политическим «экзистенциалом», то есть неотъемлемой конститутивной характеристикой фактической политической жизни современной Украины. Для проблематики данной статьи это означает, что аффирмативное аффективное измерение такого политического события, как Революция достоинства, образует принципиальный бэкграунд (*reference tone*) для формирования описанных выше аффективных режимов фрустрации и мобилизации, на довербальном уровне определяющих отношение граждан к жизни в ситуации войны.

Описание ситуации, данное Минаковым, указывает на одну из главных особенностей текущей войны: вместо того чтобы ассоциироваться с некой коллективной волей, она все больше приобретает характер внутренне разрушительного социально-политического фактора, имеющего самые разные преломления в меняющейся политической конъюнктуре. Ножницы между высокой официальной риторикой общенациональных интересов и растущей политической дезинтеграцией украинского общества создают пустоту, в которой война на Донбассе переживается как «бесконечный тупик». При этом фрустрированность переживается тем сильнее, чем сильнее был дух мобилизации (чувство морального *подъема*), на смену которому она пришла: *моральной мобилизации в гражданском обществе Украины* (имевшей некоторое время сильный консолидирующий эффект; в этом отношении показательно утверждение ряда украинских интеллектуалов о том, что после начала боевых действий в Донецкой и Луганской областях граница воображаемого раскола между Западной и Восточной Украиной

переместилась в зону АТО²); *добровольческой мобилизации*, начавшейся еще до того, как государство приступило к формированию Национальной гвардии; *интеллектуальной мобилизации в регионе*, выразившейся в самых разных акциях и публикациях в поддержку Украины; а также *дипломатической мобилизации*, вылившейся в цикл переговоров в Минске.

Тот факт, что все отмеченные волны мобилизации не дали убедительного положительного эффекта, не мог не привести к падению гражданского энтузиазма и обострению чувства дезориентированности. Эта нисходящая траектория политических эмоций является свидетельством дефицита коллективной воли (на который указывают и западные ученые³), обусловленного не только направленностью внутривнутриполитических процессов в Украине (укреплением позиций правого этнонационализма *в сочетании с реставрацией клановых отношений*), но и деструктивным воздействием информационной войны (ибо ее импlosionное разворачивание характеризуется режимом одновременности, имя которому постистина). В результате украинское

² Ср.: «После Майдана 2013–2014 годов и начала военных действий в Донецкой и Луганской областях Андрухович написал о Днепрпетровске, в котором весной 2014 года выразительно преобладала лояльность к Украине, что этот регион стал границей «между Украиной и неУкраиной». Другими словами, в 2014 году уже могло показаться, что «восточная Украина» ограничивается охваченным войной «Донбассом»» (Портнов, 2016). Я опираюсь также на выступления представителей украинской творческой интеллигенции на международном литературном фестивале в деревне Каптаруны (Беларусь). Фестиваль был посвящен тому, каким образом литература и литераторы могут способствовать налаживанию диалога между воюющими сторонами внутри самой Украины. С украинской стороны в нем приняли участие Дмытро Билый, Александр Ирванец, Алексей Чупа, Любовь Якимчук и художница Алевтина Кахидзе. Аналитический обзор фестиваля можно посмотреть в статье «Свидетели неправды» (Щитцова, 2016).

³ См. например, Gumbrecht 2015.

общество сталкивается с теми формами социальных патологий, которые описаны исследователями как вероятные последствия фрустрированности (Берковиц 2007). Речь идет в первую очередь об агрессии, выливающейся в локальные вспышки насилия, и апатии, разлагающей гражданское общество на отдельных подавленных индивидов.

Рост фрустрированности связан не просто с тем, что война затянулась и перспективы ее прекращения совершенно неопределенны. Дело прежде всего в принципиальном изменении самого характера войны: война стала функциональным элементом сложной взаимосвязи политических и экономических процессов, имманентная логика которой не привязана к задаче прекращения войны. Именно поэтому война на Донбассе может быть охарактеризована метафорой «бесконечного тупика». Война, выступившая поначалу основанием для гражданской мобилизации, приобрела затем *функциональный* характер, подтвердив тем самым обоснованность концепта «новых войн», введенного Мари Калдор. Напомню, в отличие от Клаузевица, видевшего в войне противостояние волей, Калдор определяет современную войну как «насильственное предприятие, оформленное в политических терминах»⁴ (violent enterprise framed in political terms) (Kaldor, 2013). В этой связи один момент в политической риторике президента Украины представляется

⁴ Ср.: «...новые войны предполагают размыванием различий между войной (обычно определяемой как насилие между государствами или организованными политическими группами по политическим мотивам), организованным преступлением (насилием, предпринимаемым privately организованными группами с частными целями, обычно ради финансовой выгоды) и масштабным нарушением прав человека (насилием, предпринимаемым государствами или политически организованными группами против индивидуумов)» (Kaldor, 1999, 2).

поразительным, поскольку конгениальным образом схватывает это новое существо «новых войн». Я имею в виду характеристику, данную им в свое время Василию Грицаку как главе антитеррористического центра: Порошенко назвал его не иначе, как «директором войны» (Kudelia 2017).

Функционализация войны означает трансформацию самой целерациональности войны. Новая целерациональность определяется исходя не из телоса завершения (будь то в виде расклада победа/поражение или мирного соглашения, допускаемого логикой названной дихотомии), а из конкретной конфигурации политических и социально-экономических интересов соответствующих акторов в текущий момент. Калдор интерпретирует такого рода трансформацию целерациональности войны в терминах *приватизации* войны. Речь идет, таким образом, о радикальной перемене в самой политической логике ведения войны. Если классическая целерациональность служила логической опорой для духа общенациональной консолидации, то новая логика не может не фрустрировать гражданское население, потому что деконструирует ту систему координат, в которой война актуализировала понятие и переживание национального единства (как ценности и императива). О том, что жители Украины, конечно же, опознают эту фрустрирующую трансформацию, свидетельствует, в частности, последний опрос IRI Poll (International Republican Institute), согласно которому только 10 процентов респондентов в контролируемых правительством областях Донбасса согласны, что украинское правительство делало достаточно, чтобы удержать их территории внутри Украины (Kudelia, 2017). В этой связи стоит упомянуть также

высказывания украинских интеллектуалов относительно дефицита моральной поддержки со стороны государства тем, кто находится на оккупированных территориях⁵.

Изменение политической логики войны приводит к ее специфической *рутинизации*: перестав осмысляться в рамках дихотомии «победа или поражение», война с течением времени превращается в «привычное обстоятельство». Война «забалтывается», дискурсивно истирается, при этом ее публичное обсуждение становится все более бессмысленным не только – и даже не столько – в силу проникающей способности пропаганды, сколько в силу *редуцирования горизонта надежды*, которое составляет скрытый моральный смысл привыкания к войне⁶. Таким образом, функционализация и рутинизация войны сущностно взаимосвязаны. Вписывание войны в новую, аппроприирующую целерациональность, перевод прагматики войны в плоскость переменчивой конъюнктуры в отношениях между разными политическими, экономическими и воюющими группами – все это процессы, оборотной стороной которых является фрустрирующее

⁵ Ср.: «Важным повторяющимся топосом публикаций тех, кто поддерживал в Донецке и Луганске целостность Украины и выходил на местные Майданы, является «ощущение брошенности», отсутствие поддержки местных проукраинских инициатив как Киевом, так и местными элитами. То обстоятельство, что Украина не поддержала тех, кто не побоялся открыто выступить в Донецке и Луганске в ее защиту, оказывается в такой логике важным – даже несмотря на пассивность абсолютного большинства жителей региона – аргументом в пользу того, что война отнюдь не была предопределена особой «донбасской идентичностью». (Портнов, 2016). См. также (Щитцова, 2016, с. 276).

⁶ Можно добавить, что точечная локализация и физическая удаленность зоны боевых действий тоже по-своему способствуют рутинизации войны в общественном сознании, а именно тем, что благоприятствуют вытеснению фона тревожности, связанного с войной.

обесмысливание (*профанація*) пафоса общенационального морального духа (*morale*) и тем самым – абсолютного телоса национального гражданского единства, утвержденного «Революцией Достоинства».

2. Эмоциональные диспозиции гуманитарной мысли

«Между фрустрацией и мобилизацией» – сама эта биполярная амплитуда и соответствующие ей эмоциональные диспозиции находят выражение не только в повседневной жизни граждан, но и в выступлениях и текстах гуманитариев. В таких случаях речь идет о выражении базовых эмоциональных диспозиций, которые мы, гуманитарии, *разделяем* с другими, используя рефлексию и слово (тот или иной дискурс) для воспроизводства и укрепления соответствующих аффективных режимов общественной жизни. Ключевой вопрос, который нас здесь интересует: возможно ли *несовпадение* эмоционального измерения гуманитарной мысли с очерченным выше аффективным полем?

В связи с поставленным вопросом следует прежде всего обратить внимание на исходную двухмерность понятия «эмоциональная диспозиция». Оно включает одновременно два аспекта: во-первых, эмоциональную обусловленность самой гуманитарной рефлексии и, во-вторых, способность последней модулировать эмоциональное измерение социальной жизни (ср. Mühlhoff, 2019). Необходимо подчеркнуть, что здесь имеются в виду не просчитанные техники управления и манипулирования коллективными аффектами, а конститутивная (онтологическая) способность артикулированной мысли участвовать в формировании эмоционального ландшафта соответствующего

социального поля, то есть способность *через* выраженный смысл (языковое или образное сообщение) – *вместе* с таковым – задействовать эмоциональное измерение человеческого (социального) опыта⁷. Со стороны феноменологической философии отмеченная двухаспектность подкрепляется, например, хайдеггеровским анализом структурного единства (экзистенциальной взаимосвязи) понимания, эмоциональной настроенности⁸ и речевой артикуляции (Хайдеггер 1997);

⁷ Речь идет об относительно новой, недualiстической, парадигме в трактовке эмоций, согласно которой эмоциональное измерение не противопоставляется смысловому/разумному, а понимается как конститутивный элемент всякого мыслительного акта (Damasio, 1994) и, соответственно, всякого социального действия. В рамках философии преодоление дуалистической иерархии между «разумом и чувствами» наметилось более века назад и стало одним из ключевых моментов, определяющих переход к постметафизическому мышлению (в первую очередь здесь следует упомянуть представителей философии жизни (Ницше, Дильтей и др.) и феноменологической традиции (Гуссерль, Шелер, Хайдеггер, Мерло-Понти и др.)). В социогуманитарном знании изменения в способах тематизации и концептуализации «эмоционального» произошли к концу 20 столетия и вылились в итоге в опознание соответствующих «поворотов» («эмоционального поворота» (Lemmings and Brooks, 2014), «аффективного поворота» (Clough and Halley, eds., 2007.)). Социология эмоций, культурная история эмоций, так называемая *affect theory* (Gregg and Seigworth, 2010) – всё это разнообразные плоды смены парадигмы в данном вопросе. Отличительной чертой новой парадигмы является отказ от рассмотрения эмоций как *внутренних психологических состояний* и разработка альтернативного видения, показывающего эмоции как способ взаимосвязи индивида с миром и с другими, как неотъемлемое измерение социальной жизни.

⁸ Здесь необходимо сделать терминологическое пояснение относительно того, как используются понятия эмоции, аффекта и настроения в данной статье. В философии и психологии «эмоция» и «настроение» аналитически различаются: отличительным признаком первой считается наличие конкретного объекта, по поводу которого испытывается эмоция; в отличие от эмоции, настроение, напротив, не имеет однозначной привязки к конкретному объекту, но является своего рода «общим чувством», характеризующим, каково человеку в целом. При этом в реальной жизни эмоции и настроения взаимосвязаны, могут оказывать формирующее воздействие друг на друга. Рассматриваемые нами фрустрированность и эмоциональный подъем (мобилизация) задействуют как раз оба эти регистра: с одной стороны, они имеют конкретный комплекс причин, из-за которых формируются; с другой стороны, имея относительно продолжительный характер, могут приобретать качество «общего

со стороны современной «теории аффекта» – изначально двусторонним определением аффекта как того, что одновременно *affect and be affected* (Mühlhoff, 2019).

Указанная двухаспектность эмоциональной диспозиции делает всякое гуманитарное высказывание перформативным: слово оказывается действием/действенным постольку, поскольку через собственную эмоциональную окрашенность (интонированность) имеет доступ к эмоциональной настройке соответствующего социального поля и участвует в ее модулировании. Именно эта перформативность и позволяет называть слово *живым*. Михаил Бахтин говорил в этой связи об *участном* мышлении (Бахтин, 1994), то есть мышлении, включенном в смысловое (ре)конфигурирование и аффективное модулирование совместного *жизненного мира*⁹. По своей структуре отмеченная эмоциональная перформативность гуманитарного высказывания

чувства», то есть становиться всеохватывающими и всепроникающими настроениями, обуславливающими поведение людей в повседневной жизни. Теперь несколько слов касательно пары понятий «эмоция» и «аффект». В целом, в современной социогуманитарной литературе нет единой конвенции по поводу значения понятия «аффект». Одни могут использовать его как общее обозначение для «*passions, moods, feelings, and emotions*» (La Caze and Lloyd, 2013, p. 1), другие – настаивать на «автономии аффекта» (соотв., на его несводимости к эмоции) (Massumi, 1995). При этом распространенной практикой является использование понятий эмоции и аффекта (соотв., определений: эмоциональный и аффективный) как взаимозаменяемых (если это поддерживается соответствующим контекстом) (см., например (Ahmed, 2004)) . Мы также используем эти понятия в данной статье как взаимозаменяемые, признавая при этом, что понятие аффекта обладает дополнительными смысловыми акцентами, подчеркивающими не только *силу* соответствующих эмоций, но и *масштаб* их действенности, который распространяется на дорефлексивный уровень человеческого опыта, а также *аспект задетости* (*be affected*).

⁹ Ср. также: «Все, с чем я имею дело, - пишет он, - дано мне в эмоциональноволевом тоне, ибо все дано мне как момент события, в котором я участен» (Бахтин, 1997, с. 35).

соразмерна (комплементарна) герменевтичному кругу¹⁰ – говоря точнее, она является его аффективным измерением.

Теперь мы можем сказать, что возможность несовпадения эмоционального измерения гуманитарной мысли с очерченным в первой части аффективным полем должна быть каким-то образом сцеплена с режимом перформативности. Действительно, уже само различие двух аспектов понятия «эмоциональной диспозиции» имплицитно предполагало возможность такого несовпадения. Если говорить более обобщенно, то мы интуитивно связываем ценность (собственную продуктивность) мышления именно с возможностью разворачивать новые/иные масштабы и измерения по отношению к фактично данному. Эту интуицию можно обнаружить у истоков европейской культуры: одним из наиболее ранних и простых примеров ее вербализации является троп «а-топон», использовавшийся для характеристики способа рассуждений Сократа. В данной статье я предлагаю взглянуть на предполагаемую здесь экстатику несовпадения с аффективной стороны. Если мы признаём, что и мобилизованное чувство солидарности (в самых разных его интенциональных вариациях: негодования, сострадания, пафоса справедливости и т.д.) и фрустрированность деморализующей функционализацией войны составляют неотчуждаемую аффективную фактичность нашего мышления, то как (на каких основаниях) могло бы осуществляться в данном случае несовпадение мысли с собственной

¹⁰ Понятие герменевтического круга используется здесь в том значении, которое было предложено в феноменолого-герменевтической традиции (Хайдеггер, Гадамер). В феноменологической герменевтике структура круга является основанием для того, чтобы говорить о *живой историчности* (как в отношении субъективности, так и в отношении сообщества).

аффективной обусловленностью? Какова траектория такого несовпадения? И какие иные горизонты оно могло бы открыть?

Философское обоснование предложенной постановки вопроса можно найти в феноменологии, в особенности в феноменологической герменевтике. Обозначим здесь кратко два момента, наиболее принципиальных для целей настоящей статьи. Так, аналитический подход, определяемый Хайдеггером как герменевтика фактичности, предполагает, во-первых, что эмоциональные диспозиции тоже имеют исторический горизонт, во-вторых, что выход за рамки той или иной аффективной обусловленности – если таковой происходит – имеет собственные аффективные предпосылки¹¹. Эта констелляция содержит очень важную импликацию для гуманитарных наук: она предполагает, что гуманитарии имеют (или могут иметь) отношение к аффективной политике, или *политике аффекта*.

Понятие «политика аффекта» тоже может быть прочитано двояко, а именно в двух грамматических регистрах: в регистре *genitivus subjectivus* и в регистре *genitivus objectivus*¹². В первом случае имеется в виду, что аффективный режим имеет социально-политические импликации и эффекты: обуславливает поведение индивидов и групп, транслирует определенную политическую установку и выполняет определенную политическую функцию. Фигурально выражаясь: аффект делает политику. Если же прочитать рассматриваемое понятие в регистре *genitivus*

¹¹ Оба эти тезиса можно обосновать и на почве феноменологии Гуссерля, объединив «генетический» и «генеративный» этапы его философского наследия.

¹² Стоит подчеркнуть комплементарность такого прочтения рассмотренной выше двуаспектности понятия эмоциональной диспозиции.

objectivus, то речь, наоборот, будет идти об управлении аффектом с политическими целями, а именно – о механизмах власти, позволяющих создавать и поддерживать желаемые настроения в обществе. Понятие «политика аффекта» (а также «политика эмоций») широко используется в современной «теории аффекта», представители которой, как правило, принимают во внимание отмеченную смысловую двусторонность¹³. В частности, Бен Андерсон (в статье *Modulating the Excess of Affect: Morale in a state of "Total War"*) указывает в этой связи на «продуктивный парадокс», который состоит в том, что аффект является парадигматическим объектом биовласти, политического «контроля», но одновременно также – и без всякого противоречия, – самой лучшей, если не единственной, надеждой на противодействие биовласти и «контролю»¹⁴ (Anderson, 2010, p. 166).

Я хотела бы взглянуть на отмеченный Андерсоном «продуктивный парадокс» из перспективы моей статьи и спросить: какую роль играет гуманитарная рефлексия в парадоксальной взаимообращенности аффекта и власти? где место ученых-гуманитариев в описанной биополитической структуре? При такой постановке вопроса «теория аффекта» оказывается не вполне релевантна, так как проводимые в ее рамках исследования сфокусированы, в первую очередь, на реляционной динамике аффекта, тогда как нас интересует субъект высказывания и его/ее/их эмоциональные диспозиции. Как уже отмечалось, требуемое

¹³ При этом можно все-таки отметить определенный сдвиг в сторону первого регистра. См., например, книгу Сары Ахмед *Культурная политика эмоций* (Ahmed, 2004), в которой анализ разворачивается в плоскости вопроса: «how emotions work».

¹⁴ Ср.: «There exists a productive paradox in which affect is a paradigmatic object of forms of vital or life power in the political formation named as «control» but is simultaneously and without contradiction, the best if not only hope against it» (Anderson, 2010, p. 166).

философское обоснование *диспозиционности* (=эмоциональной настроенности) разума мы находим в феноменологии, в которой (в различных версиях: от Гуссерля до Ришира) анализируется взаимосвязь аффективности и историчности (хабитуальности) в конституции субъективности. Особое значение феноменологической философии для прояснения поставленных выше вопросов заключается в том, что она выявляет укорененность эмоциональных диспозиций одновременно в структуре личностной мотивации (противопоставляемой принципу каузальности) и в историчности социокультурного опыта сообщества. Тем самым прокладывается путь к пониманию того, каким образом гуманитарная мысль, не отрицая своей аффективной обусловленности, может не совпадать с превалирующими в обществе аффективными режимами и эмоциональными диспозициями. Если кратко: гуманитарная рефлексия может быть мотивирована аффективной задетостью иного происхождения. Это означает также, что если мы можем соотнести гуманитарные науки с некой политикой аффекта, то в основе последней будет лежать неразрывная *связь* рефлексии (способности к рефлексивности) и некоего сдвига в аффективной обусловленности жизненной позиции гуманитариев, связь логоса и патоса.

Мы знаем, что множество людей с гуманитарным образованием работают сегодня на пропаганду. Но даже понимая, что эффективность их работы может быть прямо связана с их квалификацией, *мы не отождествляем пропаганду с гуманитарной рефлексией*. Вместе с тем не менее очевидно, что даже самое сильное негодование из-за пропагандистской колонизации нашего жизненного мира, не может само

по себе оказать действенное сопротивление пропаганде. Действенно противостоять пропаганде может только аффект, обретающий дискурсивную (политическую, моральную) или образную артикуляцию – аффект, отливающийся в символ или слово, в то или иное практическое решение, разделяемые сообществом. Пропаганда, если использовать выражение Батлер, формирует желаемые «фреймы войны», предопределяя тем самым режим восприятия войны: что и каким образом мы *видим и чувствуем*, и тем самым также – что и каким образом мы сами говорим (Butler, 2009). Способность и политическая роль гуманитарной рефлексии заключается в том чтобы противостоять режиму восприятия войны, навязываемому пропагандой и противоборством идеологий. Это означает, что политика аффекта, которая могла бы ассоциироваться с гуманитарным мышлением, должна определяться самой (дис)позицией несовпадения, которая с необходимостью является также эмоциональной диспозицией¹⁵, отличающейся и от пропагандистского модулирования настроения «широких масс», и от превалирующего эмоционального ландшафта милитаризованного социального поля (ландшафта, контурно очерченного ранее амплитудой «между фрустрацией и мобилизацией»).

Если гуманитарное высказывание способно создавать новую ситуацию в условиях нашего военного времени (например, менять притупившийся режим восприятия войны, дезавуировать пропаганду, тормозить агрессивность, освобождать от страха), то не будет преувеличением приписать ему особый род *политического пойнзиса*.

¹⁵ Следует подчеркнуть, что слово *диспозиция* должно пониматься здесь с учетом его военного смысла: как расположение для ведения боевых действий, – что в данном контексте обозначает: *контрмилитаристская диспозиция*.

Последний включает способность гуманитарной мысли выступать медиумом новой политики аффекта и основывается на иной аффективно-смысловой диспозиции гуманитарной мысли по отношению к превалирующим в повседневности настроениям фрустрированности и разочарования, с одной стороны, и пропагандистско-идеологическим установкам и «мобилизациям», с другой¹⁶. Речь идет, таким образом, о способности гуманитарной рефлексии выявлять/актуализировать аффективно-смысловые основания (горизонты) нашего социально-исторического опыта, которые позволяют иначе воспринять/осмыслить происходящее с нами и тем самым открывают перспективу для демилитаризации нашего жизненного мира. Политический пойнэзис выступает оборотной стороной этой перформативной эвристики гуманитарной мысли.

В контексте истории современных обществ фундаментальные – эмоционально нагруженные – установки гуманитарной мысли определялись двумя понятиями: просвещение и гуманизм. С известной долей схематизма можно сказать, что в каждый конкретный период этой истории – вплоть до сегодняшних дней – напряжение гуманитарной мысли обуславливалось тем, что разумность и ценность человеческой

¹⁶ В рамках украинского социально-политического контекста риторика моральной мобилизации основательно дискредитирована в силу *приватизации насилия*, в которой публично обвиняют правительство Порошенко и его лично. В качестве примера приведу небольшую цитату из статьи Сергея Куделии *Extrajudicial Violence in Donbas and Its Consequences for Ukraine*: «для Порошенко индивидуальные выгоды от продолжения репрессивных практик могут превышать политические издержки связанные с его неспособностью предпринять реальные шаги, чтобы положить конец войне» (Kudelia 2017). Как уже отмечалось в первой части, приватизация насилия априори обесточивает моральную энергию, которую должны были бы транслировать и потенцировать соответствующие риторические фигуры.

жизни (как концептуальная пара) оказывались тем или иным образом проблематизированы или вовсе перечеркнуты. Примечательно, что реагируя на эти проблематизации и коллапсы, гуманитаристика – и в целом общественная мысль – снова и снова критически пересматривала собственные представления о просвещении (модерне) и гуманизме. Война на Востоке Украины тоже определенным образом связана с радикальной проблематизацией наших просвещенческо-гуманистических ориентиров. Чтобы прояснить этот тезис, надо вернуться к словам Виталия Сыча, приведенным в первой части статьи. В высказывании украинского журналиста выявлен глубинный травмирующий фактор, а именно – опознание бессмысленности жертв. Логика, которая заложена в процитированных словах такова: если бы политические процессы в Украине развивались иначе, жертвы были бы не напрасны. В основе этой логики лежит убежденность в оправданности жертв во благо нации в том случае, если между политическим руководством страны и народом сохраняется доверие, позволяющее говорить о коллективной воле. Такая позиция является частью конкретной констелляции просвещенческо-гуманистических установок, которая сложилась на том историческом этапе, когда национальное государство отождествлялось с универсальными ценностями. Отличительной чертой этой констелляции было непротиворечивое объединение двух медиумов: универсальной разумности и чувства принадлежности одной нации. В соответствии с этой констелляцией, изначально предполагалось два возможных пути в реализации национальных интересов: через разумное обоснование и через аффективное потрясение – через жертвы во имя нации. Местом, где разумное обоснование сплавлялось с аффектом

(травматическим переживанием), была коллективная память: жертвы обретали статус национальных героев.

СССР тоже держался на описанной констелляции – с той разницей, что место национальной идеи занимала идеология советского народа. Высвобождение национального самосознания и обретение политической самостоятельности нашими странами после распада СССР в определенной мере вернуло этой констелляции изначальную актуальность. Функционализация и рутинизация войны на Донбассе, описанные в первой части, перечеркнули названную констелляцию. Когда сегодня в социальных сетях продолжение войны толкуют как нарастание абсурда, аффективным ядром такого рода реакций является «праведный гнев» и фрустрированность из-за осознания бессмысленности жертв. Политический и этический смысл этого травмирующего открытия заключается в невозможности героизации, высокого коллективного пафоса, подтверждающего и укрепляющего чувство взаимопринадлежности, сплоченности нации.

Таким образом, война в Украине сопряжена с радикальной проблематизацией – диссоциацией – прежнего способа связывания разумности и аффекта в рамках такого политического сообщества, как нация. Этот процесс можно сравнить с тектоническим сдвигом в геологии. Гуманитарная рефлексия способна отслеживать и анализировать подобные сдвиги, сама будучи аффективно затронута ими. Конечно же, не война (при всей её «новизне») стала первопричиной указанной диссоциации. Последняя, если говорить кратко и обобщенно, является неизбежным результатом процессов глобализации, происходящих в

политике, культуре, экономике. Однако, текущая война очень остро выявила деморализующие/фрустрирующие эффекты и социально-политическую цену распада этой жизненноважной связи (связи логоса и патоса) в конституции нации как формы политического сообщества. В этом контексте востребованность гуманитарной мысли связана уже не только с ее способностью к просвещению и критике идеологии. То, на что должна откликнуться сегодня гуманитарная мысль, – это потребность людей в обретении новой системы координат, позволяющей вновь воплощать связь логоса и патоса через разнообразные формы совместности.

Библиография

- Ahmed, S. (2004) *The Cultural Politics of Emotion*. New York: Routledge, 232 p.
- Amery, J. (2009) *At the Mind's Limits: Contemplations by a Survivor on Auschwitz and Its Realities*. Indiana University Press, 128 pp.
- Anderson, B. (2010) *Modulating the Excess of Affect: Morale in a State of Total War*. In: Gregg, M., Seigworth G.J. *The Affect and Cultural Theory Reader*. London: Duke University Press, 416 p.
- Bakhtin, M. (1994) *K filosofii postupka [Toward a philosophy of the act]*. In: Bakhtin, M. *Raboty 1920-ykh godov [1920's Works]*. Kyiv: NEXT, 384 p.

- Berkowitz, L. (1997) *Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'* [Aggression: Its Causes, consequences, and control]. Saint-Petersburg.: Praim–EVROZNAK, 512 p.
- Butler, J. (2009). *Frames of war: When is life grievable?* London: Verso, 224 p.
- Caze La, M. and Lloyd, H.M. (2011) Editor's Introduction: Philosophy and the 'Affective Turn'. In: *Parrhesia*, no. 13, p. 1-13.
- Clough, P. T. and Halley, J. eds. (2007) *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press. 328 p.
- Damasio, A. (1994) *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*, New York: G.P. Putnam's Sons, 336 p.
- Gregg, M. and Seigworth G.J. (2010) *The Affect and Cultural Theory Reader*. Durham: Duke University Press. 416 p.
- Gumbrecht, H.U. and Sutowski M. (2015) Gumbrecht: "We have to rethink political organization" [online] *Krytyka polityczna & European alternatives*. Available from: <http://politicalcritique.org/world/2015/h-u-gumbrecht/>. [Accessed 14 October 2018]
- Heidegger, M. *Bytie i vremia* [Time and Being]. Moscow: Ad Marginem, 451 p.
- Kaldor, M. (1999) *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era*. Stanford University Press, 192 p.
- Kaldor, M., (2013). In Defence of New Wars. In: *Stability: International Journal of Security and Development*. 2(1), p.Art. 4.
DOI: <http://doi.org/10.5334/sta.at>

- Kudelia, S. (2017) Extrajudicial Violence in Donbas and Its Consequences for Ukraine. In: PONARS Eurasia Policy Memo No. 486 October.
- Lemmings, D., Brooks, A. (2014) The emotional turn in the humanities and social sciences. In: Lemmings, D., Brooks, A., ed. *Emotions and Social Change: Historical and Sociological Perspectives*. New York, London: Routledge, pp. 3-18.
- Massumi, B. (1995). The autonomy of affect. In: *Cultural Critique*, 31(1), pp. 83–109.
- Minakov, M. (2016) Voina – eto situatsiia nebytiya [The war is the situation of non-being]. *Topos*, no. 1-2, s. 11-18.
- Mühlhoff, R. (2019) “Affective Disposition”. In: Slaby, J., Scheve, v. Ch., ed. *Affective Societies – Key Concepts*. New York: Routledge. Forthcoming.
- Portnov, A. (2016) Donbass' kak Drugoi. Ukrainskie intellektual'nye diskursy do i vo vremia voiny [Donbass as the Other. Ukrainian intellectual discourses before and after the war]. [online] *Neprikosnovennyi zapas*. Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/110_nz_6_2016/article/12204/. [Accessed 17 september 2018].
- Shchytsova, T. (2014) Nevozmozhnost' teorii [The impossibility of the theory]. In: Shchytsova, T. *Antropologiya. Etika. Politika* [Anthropology. Ethics. Politics]. Vilnius: EHU, p. 212-219.
- Shchytsova, T. (2016) Svideteli nepravdy [The witnesses of the untruth]. *Topos*, no. 1-2, p. 273-282.

Sych, V. Tri goda reform: esli korotko, ya razocharovan [Three years of reforms: To be brief, I'm disappointed]. [online] *Novoe vremia* Available from: <https://nv.ua/opinion/sych/tri-goda-reform-esli-korotko-ja-razocharovan-1254874.html>. [Accessed 17 september 2018].